

Проблемы
музыкального
фольклора
народов СССР

*Статьи
и материалы*

764626

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
--------------------------	---

I.

В. Гусев (Ленинград). Комплексное изучение фольклора . . .	7
С. Пьянкова (Смоленск). Некоторые особенности напевов в русской свадьбе	17
В. Лапин (Ленинград). Русские свадебные песни у вепсов . . .	37
О. Кыйва (Тарту). О способах исполнения эстонских рунических песен. Свадьба острова Кихну	53
Г. Чугунова (Казань). Из наблюдений над марийскими свадебными песнями.	65
И. Польский (Харьков). Волочebные песни в Белоруссии и на Украине	71
Е. Витолинь (Рига). Латышские пастушеские песни	81
З. Таджикова (Душанбе). Песни похоронного обряда таджиков (по материалам зеравшанских экспедиций)	95
Т. Алибакиева (Алма-Ата). Похоронные причитания и поминальные песни уйгуров	101
В. Сенкевич-Гудкова (Петрозаводск). Саамские песни Кольского полуострова.	108
Б. Гусейнли (Баку). К вопросу о социально-историческом обосновании жанровой классификации азербайджанской народной танцевальной музыки	117
А. Байгаскина (Алма-Ата). Эволюция стихотворных размеров и логика развития музыкальной формы казахской народной песни	126
Б. Урицкая (Ленинград). О некоторых чертах мордовской многоголосной песни	147
В. Елатов (Минск). «Нетрадиционные» жанры белорусской народной музыки	156
И. Рюйтель (Тарту). Эстонские народные песни «переходной формы»	172
А. Юсфин (Ленинград). Об исследовании музыки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока	188

II.

Э. Алексеев (Москва). О звукорядных вариантах традиционных якутских песен в связи с некоторыми особенностями их ладовой организации	195
А. Айзеништадт (Новосибирск). Вопросы ладообразования в эвенкийской народной музыке	212
М. Брутян (Ереван). Ладовая система армянской народной (крестьянской) музыки	226
М. Жордания (Тбилиси). Лады грузинских арбных песен — «Урмұли»	239
А. Горковенко (Ленинград). Увеличенная секунда в эстонских народных напевах	257

В. Лапин
(Ленинград)

**РУССКИЕ СВАДЕБНЫЕ
ПЕСНИ У ВЕПСОВ**

Европейский Север нашей страны населен большим числом малых народностей, пришедших раньше или позднее, в той или иной форме, ко все более интенсивному культурному контакту с русскими. Разность форм соприкосновения определяла и некоторые стороны дальнейшего развития песенных культур. Исследователи отмечали, например, интересные параллели между русскими и карело-финскими напевами, главным образом — эпическими¹.

Цель данной статьи — ввести в научный обиход данные исследования напевов двух групп русских песен, записанных в качестве свадебных от вепсов Пяжозерского и Куйского сельских советов Бабаевского района Вологодской области².

Вепсы — это небольшая прибалтийско-финская народность финно-угорской семьи языков, населяющая смежные районы Ленинградской и Вологодской областей и, частично, юг Карельской АССР, между Ладожским, Онежским и Белым озерами³.

¹ См., например: Булич С. К. Несколько финно-славянских музыкально-этнографических параллелей (К вопросу об основных чертах славянской народной музыки). — В кн.: Записки Императорского Русского Географического общества [ИРГО] по этнографии. Т. 34. СПб., 1909; Карельские народные песни. Составление и вступительная статья Л. М. Кершнер. М., 1962 (в дальнейшем сокращенно: Карельские народные песни).

² Фольклорная экспедиция ЛГК 1968 года.

³ Подробнее см.: Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.-Л., 1965.

Публикаций вепских песен крайне мало⁴, исследований нет совсем. Мы попробуем сравнить обе группы песен и объяснить причину значительного различия между ними.

1

Песенный репертуар свадьбы в Пяжозере составляют шесть русских лирических песен. Все вепские певицы утверждают, что это свадебные песни. Исполняются они в узловых эпизодах свадебного обряда, совпадающих с русской свадьбой. Правда, песни не закреплены за определенным действием и могут исполняться в любом порядке и в любой момент свадьбы⁵.

Таблица I

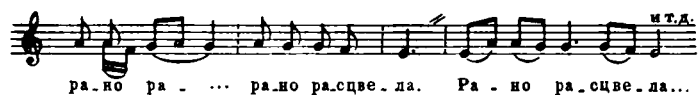
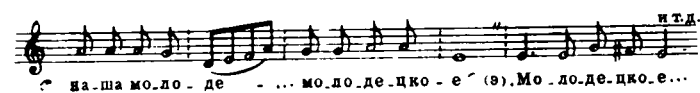

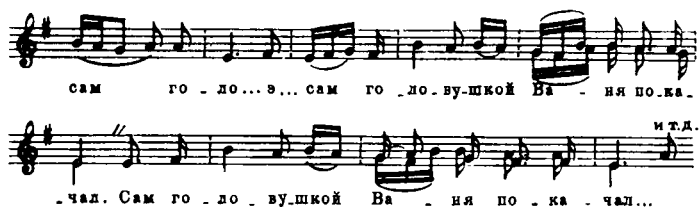
⁴ См.: Песни народов Карело-Финской ССР. Сост. В. П. Гудков, Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941; Рубцов Ф. Народные песни Ленинградской области. М., 1958, №№ 12, 13, 14, 70, 73, 81 и др. (все без указания их вепских источников записи — в дальнейшем сокращенно: Народные песни Ленинградской области); Кондратьева С. Н. Карельские народные песни (рукопись диссертации хранится в Московской государственной консерватории — в дальнейшем везде сокращенно: МГК).

⁵ Все примеры (кроме двух, заимствованных из указ. сб. Л. М. Кершнер) нотированы автором статьи.

В Пяжозере (и некоторых других местах) песня «Из-за лесу, лесу темного» бытует в нескольких текстовых вариантах, кроме приведенного — «Отлетает наша доченька» и «Ты река ли моя, реченька».

О вариантах напевов указанных песен см. ниже.

С музыкальной точки зрения приведенные песни поражают своим стилистическим единством. Ладовое наклонение, характер мелодического движения, выделенный в начале напева интонационный тезис, структурные закономерности — эти общие для всех песен признаки говорят либо о тщательном отборе из всего песенного репертуара, либо — что более правдоподобно — о «распевании» этих песен вепскими певицами в единой стилистической манере. Примеры, которые будут приведены ниже, подтверждают второе предположение.

Песенный свадебный цикл Пяжозера — явление не исключительное. Сравнение свадебных песен вепсов, живущих в других районах, с пязозерскими песнями показывает, что этот песенный тип распространен у вепсов широко, устойчиво и всегда связан со свадебным обрядом. Разница состоит лишь в том, что в различных группах деревень, в прошлом более тесно общавшихся между собой⁶, «обоймы» песен не одинаковы. Часть песен совпадает, часть изменяется, но по типу напевов все свадебные песни представляют единый стилистический слой⁷.

В сборниках песен, записанных в средней полосе, то есть от русских певцов, на исконных русских землях, такой тип песен встречается довольно редко. Еще реже можно найти сами эти песни. А если они и встречаются в публикациях, то в сильно отличающихся музыкальных

⁶ Сейчас, возможно, одним из немногих свидетельств этих контактов остались рассматриваемые нами песни.

⁷ См., например, песни, записанные у вепсов Лодейнопольского и Подпорожского районов Ленинградской области: Народные песни Ленинградской области №№ 12, 13, 14, 20, 21; Сто русских народных песен под ред. Ф. В. Соколова. Л., 1970, №№ 1, 2, 4, 5, 7; песню, записанную у вепсов Южной Карелии: Песни народов Карело-Финской ССР. Разд. II, № 12.

вариантах⁸. Зато на русском Севере подобные песни широко распространены и по ладо-интонационным признакам представляют собой тот же стилистический слой, что и рассматриваемые нами песни вепсов⁹. Последние отличаются от песен русского населения Севера меньшей развитостью и протяженностью напевов¹⁰. Здесь, по-видимому, сказалось и то, что песни попали в непривычную среду, к иноязычному народу, и то, что для вепсов развитые и совершенные по красоте русские песни были явлением исключительным, и, наконец, то, что после интенсивных волн русских переселений на этих окраинных территориях России наступает длительный, продолжавшийся вплоть до XVIII в. социальный застой, консервация патриархальных отношений. Все вместе это, вероятно, и привело к тому, что слой древней русской лирической песни сохранился у вепсов в относительной чистоте до нашего времени.

В связи с этим показательно было бы сравнение песен различных вепских районов. Ограничимся здесь только одним примером из района Ошты. Ошта «уже к XVI в. становится административным центром обширной округи»¹¹, в которой жила основная масса вепсов. Фольклорные экспедиции показывают, что у коренного вепского населения Ошты данный тип песен теряет свои специфические черты, так как в условиях крупного населенного пункта с большим числом русских жителей он имел возможность развиваться дальше, до широких по диапазону протяжных песен, почти исключаящих одновременное существование своих более скромных предшественниц. Такое явление, вероятно, и происходило на

⁸ См., например, сб.: Римский-Корсаков Н. А. Сборник русских народных песен (в дальнейшем сокращенно: Римский-Корсаков). СПб., 1877, № 75; Балакирев М. Русские народные песни. М., 1957, №№ 1, 29 (в дальнейшем сокращенно: Балакирев); Линева Е. Великорусские песни в народной гармонизации. Вып. 2, № 9. СПб., 1909.

⁹ См. сб.: Песни Севера. Собраны А. Я. Колотиловой, Архангельск, 1947, с. 51. Народные песни Вологодской области (под ред. Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд). Л., 1938, с. 41, 62, 67, 100, 114 (в дальнейшем сокращенно: Народные песни Вологодской области; Песни Пинежья. Сост. Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Кн. 2. М., 1937, №№ 2, 2а, 7, 16, 42, 42а, 44, 44а, 81 (в дальнейшем сокращенно: Песни Пинежья).

¹⁰ См., например указ. песни в сб.: Песни Пинежья.

¹¹ Пименов В. В. Указ. изд., с. 210 (примечание).

кóрсинных русских территориях. Север же, хотя и сохранил эти песни (и отчасти, может быть, по тем же причинам, что и вепсы), но донес их до нашего времени в значительно более развитом и усложненном виде. К тому же, приблизительное хронологическое совпадение двух явлений — складывание русских лирических протяжных песен и формирование дошедшего до нас обряда русской свадьбы — около XIV—XV вв.¹² (этот же период — время последних значительных переселений русских на Север) — объясняет в какой-то степени и то, что у вепсов данные песни закрепились именно за свадьбой; а это еще более способствовало своеобразной консервации песен, так как привнесло в них свойственную свадебным напевам «формульность».

Из свадебных песен Пяжозера только одна, насколько нам известно, в русском фольклоре является свадебной — «Из-за лесу, лесу темного». Может быть, именно формульность ее напева способствует тому, что она бытует у вепсов в нескольких текстовых вариантах и к тому же в музыкальном отношении заметно отличается от остальных песен. Любопытно сравнивать варианты этой песни, записанные нами в Пяжозере, с одним из распространенных на русском Севере напевов, записанным в поселке Колошма.

¹² О складывании лирических песен см.: Земцовский И. Русская протяжная песня. Л., 1967, с. 15, и др.

Видно, как утвердившийся песенный стиль властно подчиняет себе напев другого типа. Особенно важно внешне небольшое изменение во второй строфе варианта в, подчиняющее начало строфы — интонационный тезис — общему для остальных песен типу¹³.

Южнее Пяозера расположены несколько вепских деревень, граничащих с русскими. Вепсы в этой местности живут либо одной деревней с русскими, либо в непосредственной близости к ним; иногда они уже сильно обрусели (Акишево, Киино, Каино, поселок Колошма и др.). Здесь бытуют некоторые из песен Пяозера, но преобладают все же общерусские. В свадебных песнях и плачах этой полосы господствуют русские формульные напевы, чаще всего в мажорном тетраchorде, с русскими текстами. Этот тип мелодии (см. пример 2а, б) оказывает воздействие и на другие жанры, например, живные частушки¹⁴.

В свадебных плачах Пяозера чаще всего встречается следующий тип напева:

¹³ Как видно из таблицы I, вариантное распевание тезиса во второй строфе и, как правило, сохранение этого варианта во всех последующих строфах — один из важных стилистических признаков вепских свадебных песен. На этом мы не останавливались, так как подробный анализ песен не входил в задачу автора.

¹⁴ Все эти записи сделаны в дер. Киино.

Вероятно, можно считать его типично вепским, так как он совпадает со свадебными плачами других, более северных вепсов ¹⁵:

Минорный лад, нисходящее движение мелодии от квинты, иногда сексты лада, часто встречающееся деление строфы на две фразы, причем вторая начинается, как правило, с IV ступени, — все эти признаки сближают вепские свадебные плачи с напевами южно-карельских и финских рун ¹⁶:

¹⁵ В Пягозере были записаны плачи, близкие показанным выше «пограничным» (см. пример 2а). Но встречаются они довольно редко и, к тому же, в них отсутствует короткая восходящая интонация, охватывающая сразу весь диапазон, они начинаются прямо с верхнего звука и развиваются в нисходящем, хотя и гибком, извилистом движении. В этом, вероятно, сказалось воздействие типичных вепских плачей на этих «пришельцев».

Пример 4а — записано в г. Ошта, б — в дер. Володарская, в пос. Колошма (примеры 4а, б — из материалов Кабинета народного творчества ЛГК).

¹⁶ Карельские народные песни, №№ 3, 5.

Национальную принадлежность и оригинальность подобных мелодий можно было бы проследить и глубже, напомнив о пятиструнном кантеле, имевшем чаще всего строй минорного наклонения. Добавим еще, что плачи подобного типа бытуют исключительно на вепсском языке. Все это говорит о том, что здесь мы имеем дело с «одним из ответвлений древней прибалто-финской песенной культуры»¹⁷, к которой принадлежит песенное наследие вепсов, карел, финнов и эстонцев.

С другой стороны, эти напевы очень близки русским северным былинам. Достаточно напомнить знаменитые рябининские напевы. Вероятно, формирование северных былин шло в тесном взаимодействии с эпическим фольклором коренного местного населения (вепсов, южных карел). Отсюда и ладо-интонационная общность, и одинаковые структурные принципы строения строк (вторая полустрофа напева повторяется столько раз, сколько нужно для завершения поэтической мысли)¹⁸.

Здесь кроется, на наш взгляд, одно из условий, объясняющих то, что у вепсов так давно и прочно прижились русские лирические песни. Несомненно, что эти песни представляют собой один из ранних слоев русской песенной лирики. Вероятно, вепсы, находившиеся ко времени знакомства с данными песнями на более низком уровне общественного развития, имели и менее развитый, по сравнению с русскими, песенный фольклор, и, уж во всяком случае, не пришли еще к лирическим песням¹⁹.

¹⁷ Там же, с. 22.

¹⁸ Ср., например, пример 4 и №№ 37, 38, 39 из сб. Балакирева. Очевидна повествовательная, эпическая природа вепсских плачей. И не только вепсских, но шире — северных, в том числе и русских. Об эпической традиции в плачах и свадебных песнях карел см. во вступительной статье Л. М. Кершнер к сб.: Карельские народные песни (с. 18 и др.).

¹⁹ Осмелюсь высказать предположение, что и позднее не могли прийти, быть может, именно из-за русских лирических песен, органично вошедших в музыкально-образное сознание вепсов; одно это уже исключило возможность создания своей лирики.

Но музыкальный язык древнейших вепских несенных форм — причитаний — имеет много общего с данным слоем русских песен и прежде всего — одинаковый лад или, по крайней мере, ладовое наклонение. Можно предположить, что эмоциональное ощущение и практическая освоенность восприятия напевов минорного наклонения и были той конкретной «материальной» основой, которая позволила вепсам принять русские песни и считать их своими. Восприятие и усвоение шло в данном случае чисто музыкально, через напев, минуя словесно-смысловое содержание. Вепские певцы зачастую плохо знают русский язык, иногда искажают слова песни так, что они теряют уже всякий смысл и служат лишь фонетическим средством воспроизведения мелодии.

Подобная форма бытования русских песен, преимущественно лирических, имеет место не только у вепсов. Аналогичное явление отмечает Л. Кершнер: «На юге и в средней Карелии вплоть до полосы, прилегающей к северным районам, русская песня распространена наравне с карельской; разница в языке не служила препятствием для распространения русских песен. В глубине районов, особенно отдаленных, женщины — основная часть носителей песенных традиций — по-русски не говорили и не понимали, но русские песни пели»²⁰. Есть и еще одно свидетельство, у другой финно-угорской народности: «Коми поют много песен, в которых весь текст русский... Один... местный старожил так говорил об этом: «Песни, которые здесь поются, все русские. Наши не понимают в них ни слова, но поют твердо и верно»²¹.

Можно было бы увеличить число подобных примеров, которые показывают самостоятельность собственно музыкального образа песни в представлении народа и возможность столь же независимого от текста восприятия этого образа народными певцами и их слушателями²².

²⁰ См. вступительную статью Л. М. Кершнер к сб.: Карельские народные песни, с. 27.

²¹ Кондратьевы С. А. и М. И. Коми народная песня. М., 1959, с. 19.

²² Показательно в этой связи, например, то, что у некоторых народностей (чукчей, эскимосов и др.) каждый охотник имеет свою мелодию, на которую он импровизирует текст в зависимости от того, что он видит в данный момент (в кн.: Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири. М., 1966, с. 98).

От свадебных песен Пяжозера сильно отличается другая группа песен, которые бытуют в вепсских деревнях, носящих общее название Куя²³.

Таблица II

1 $\text{♩} = 160$

Ой(ш) от(ы) во - ря - те да двер(ш) ду - бо - ву - ю.

2 $\text{♩} = 160$

Ой(ш) зам(ы) по - ко - рю да бла - го - да - рству - ем

8 $\text{♩} = 160$

Ой ми, не

$\text{♩} = 98$

Ой, ми не да н(ы) ря - по - д(ы) ня - ти - ся.

вста - ти да пры - по - дия - ти - ся. и т. д.

Ой,...

²³ 1 — причет невесты, созывающей родню;

2 — причет невесты перед баней;

3 — причет подоплечницы и невесты: момент вступлений певцов колеблется на 1—2 четверти в ту или другую сторону по сравнению с указанным в примере;

4 — 1-я песня девичника; на этот же напев — «Ох, сборы наши»;

5 — песня девичника; на этот же напев — «Ух вы, девушки»;

6 — песня девичника; на этот же напев — «Не было вступу» и «Тысячкой»;

7 — перед отправлением к венцу;

8 — величальная жениху, у которого живы родители;

9 — величальная молодому парню;

10 — во время расплетения косы;

11 — встреча молодых после венца.

4 $\text{♩} = 92$

Ой при ве - че - ре, во че ре да

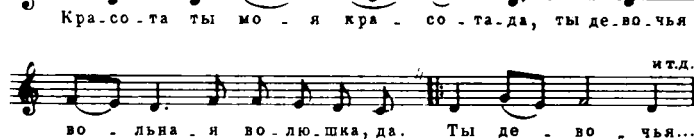

при по - след - ней ве - че - ри - но - чке.

5 $\text{♩} = 96$

Кра - со - та ты мо - я кра - со - та - да, ты де - во - чья

во - льна - я во - лю - шка, да. Ты де - во - чья... и т.д.

6 $\text{♩} = 92$

Со - лны - шко, со - лны - шко во лу - нах сто - я -

ло, во лу - нах сто - я - ло. Ой, кра - сно - е - и т.д.

7 $\text{♩} = 140$

Ой, как не то - шно ли те - бе да свет На - ста - сьюшка, э - ой,-

не о - бк - дно ли те бе да свет Ма - ксимо - вна, э - ой.

8 $\text{♩} = 120$

Что у ме - ся - ца зо - ло - ты ро - га

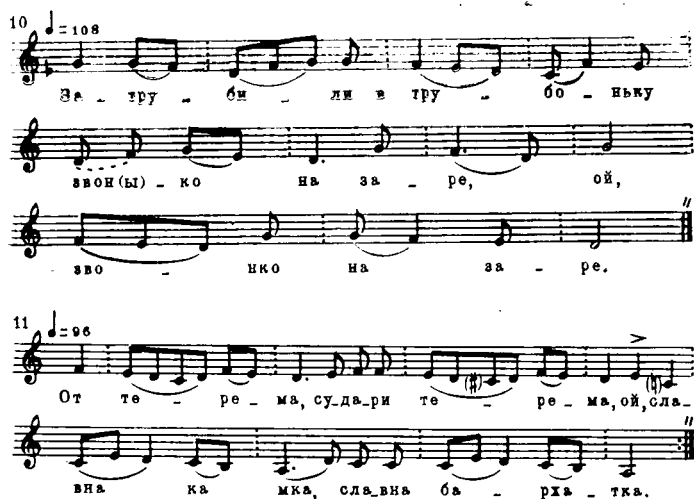
9 $\text{♩} = 120$

Что не а - па - нец по го - ро - ду ка -

та - лся, э - ой. Не же - мчуг ли по - и т.д.

Главное отличие заключается в том, что это настоящие свадебные песни, закрепленные за определенными моментами обряда (девичник, традиционная баня — «байна», утро в день свадьбы, проводы к венцу и встреча после венца, свадебный пир; причеты невесты и сопровождающих ее старух «подоплечниц» и т. д.). Весь детально разработанный и хорошо сохранившийся в памяти исполнительницы обряд — классическая русская свадьба с некоторыми местными нюансами.

Для этой группы песен также характерно поразительное стилистическое единство всех напевов. «Формульность» проявляется здесь с редкой последовательностью. По ладо-интонационным признакам резко различаются два типа напевов: причитания невесты, с одной стороны, и все остальные свадебные — с другой²⁴. Чрезвычайно интересен пример одновременного исполнения песни-причета и плача невесты (см. табл. II, № 3), редко встречающийся в этнографических сборниках²⁵. Для

²⁴ В таблице приведены только типовые напевы-формулы — на эти мелодии исполняются и другие (по тексту) причитания и песни, частично указанные возле некоторых примеров таблицы.

²⁵ См.: Песни Пинежья, с. 517; Торопецкие песни. Песни родины Мусоргского. Запись, составление и комментарии И. Земцовского. Л., 1967, № 49 (в дальнейшем сокращенно: Торопецкие песни).

нас он интересен еще и потому, что в нем объединяются оба типа напевов.

При большом музыкальном единстве свадебных песен можно все-таки заметить, что интонационно они группируются по принадлежности к определенной части обряда. Так, например, более родственны между собой песни девичника (см. табл. II, № 4, 5, 6).

Некоторые общие черты есть и между напевами Куи и свадебными песнями Пяжозера. Всем без исключения песням свойственно одно ладовое склонение. И тут и там сопоставление основного устоя и ступени на большую секунду вниз от него вызывает подчас довольно обширную интоладовую сферу в середине напева (ср. табл. I, №№ 4, 3, 5 и табл. II, №№ 3, 4, 8, 6). Наконец, в обеих группах песен присутствует особый, трудно поддающийся описанию и совершенно отсутствующий в нотной записи «магический» колорит обрядности. Вероятно, в какой-то степени его можно объяснить «кружевным», завораживающим движением мелодии в узком (ограниченном секстой, квинтой или квартой) диапазоне²⁶.

В целом, по ладо-интонационным признакам свадебные песни Куи образуют очень яркую и довольно замкнутую локальную группу. В этнографических сборниках найдется не так уж много аналогичных напевов, хотя по сюжетам — это распространенные общерусские песни²⁷. В сборниках русского Севера встречаются свадебные плачи, основанные на тех же ладо-интонационных оборотах, что и плачи Куи (исходящие в интонации в мажорном тетрахорде)²⁸. И здесь сказывается общность эпических интонаций Европейского Севера.

²⁶ Возможно, из-за ограниченности диапазона и, следовательно, мелодических возможностей даже кратковременное сопоставление двух устоев и сдвиг в иную ладовую сферу оказывается в подобных напевах сильным средством, динамизирующим внутреннее разветвление напева.

²⁷ Близкие варианты напевов см. в сб.: Балакирев, № 1; Песенный фольклор Мезени. Издание подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967, №№ 161, 167, 169, 171 (в дальнейшем сокращенно: Песенный фольклор Мезени); Ляпунов С., Истомин Ф. 35 песен русского народа. СПб., 1901, № 12; Народные песни Вологодской области, с. 90; Торопецкие песни, № 49. (Наиболее близкий вариант песни «От терема» — Римский-Корсаков, № 73. Эта песня, кстати сказать, заметно выпадает из общего типа свадебных песен Куи).

²⁸ См.: Народные песни Ленинградской области, № 70; Песенный фольклор Мезени, № 200.

Весьма показательно большое сходство свадебных напевов Куи и календарных песен некоторых русских областей²⁹, подтверждающее древность происхождения данных песен и их несомненную связь вообще с обрядовыми, «магическими» интонациями³⁰. Архаичность русского песенного фольклора у вепсов является как раз наиболее характерным и специфическим его свойством.

3

Итак, две различные по репертуару свадьбы, два различных музыкальных стиля. Чем можно объяснить такую разницу в свадебном фольклоре одного народа? На наш взгляд, причиной служит различный характер взаимодействия вепсов и русских в течение длительного периода.

Группа деревень, образующих Пяжозеро, обособлена от расположенных южнее русских поселений, отделена от них лесами и болотами. И, наоборот, в прошлом Пяжозеро имело устойчивые контакты с другими группами вепсов, расположенными севернее и северо-западнее (Шимозеро, верховья Капши и Ояти). Это сказалось и в общности репертуара, песенных интонаций и целых напевов, и в закреплении рассматриваемого слоя песен за свадебным обрядом. Проявляется это и в повсеместно плохом знании русского языка исполнительницами пожилого возраста, и, как следствие, в чисто музыкальном восприятии, вероятно, имевшем место еще в далеком прошлом.

Куя, расположенная на крайней восточной границе расселения вепсов, находится, в отличие от Пяжозера, в непосредственном окружении русского населения и в меньшей степени связана с основными группами вепсов. Даже внутри самой Куи некоторые деревни считаются местным населением русскими. На самом деле это тоже вепсы, но уже давно и сильно обрусевшие. Из приведенного материала видно, сколь сильно отличается свадеб-

²⁹ См. например: Торопецкие песни, №№ 1, 5, 7, 9, 11, 12, 21, 25, 27, 37, 54.

³⁰ О музыкальном словаре календарных песен и их «магическом» значении см.: Земцовский П. Календарные песни как цикл (к вопросу о музыкальном словаре). - В кн.: Вопросы теории и эстетики музыки. Вып. 8. Л., 1968.

ный репертуар этой местности от остальных вепских территорий — и по сюжетам песен, и по их интонационному языку. Фактически, это один из местных вариантов русской свадьбы.

Более тесный и длительный контакт с русскими сказался и в преобладании русского языка в песенном фольклоре Куи³¹, и в его жанровом «диапазоне». Весьма показательно в этой связи сравнить жанровый репертуар названных местностей.

В Пяжозере частушки, колыбельные («байки»), плачи — похоронные, «на горе» и свадебные — исполняются почти исключительно по-вепски; «свадьба» — по-русски.

В Куде частушки, «байки», плачи, свадебные песни, колядки, святочные, «масленичные»³², кадрили и «ланцы», крестьянская и городская лирика, стихи и псалмы исполняются почти исключительно по-русски и представляют собой, главным образом, распространенные общерусские песни.

Это сравнение еще раз наглядно демонстрирует результаты различных по длительности и интенсивности контактов между двумя народами.

Мы затронули в данной статье только одну, узко ограниченную часть имеющихся материалов. Песенный фольклор вепсов ждет своего дальнейшего изучения и для русской фольклористики представляет, на наш взгляд, несомненный интерес.

³¹ Мы встретили только одну исполнительницу, спевшую колыбельную по-вепски. Впрочем, и она при повторном исполнении спела ее уже с русским текстом.

³² Многие певички Куи говорили нам, что пели когда-то «долгие» песни («чтобы лен долгий был») весной, на масленицу, стоя на горе. Большинство уже не помнит этих песен. На наши настойчивые просьбы «вспоминали» — «Научить тебя, Ванюша», «Разливалась сударь-матушка река», «Свистит свисточек», разные в разных деревнях.